

В.В. Шелохаеву 75 лет: историографические заметки

Кирилл Соловьёв

V.V. Shelokhaev's 75th jubilee: some historiographic notes

Kirill Soloviev

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

В декабре 2016 г. исполнилось 75 лет историку Валентину Валентиновичу Шелохаеву. Юбилей – хороший повод для того, чтобы перечислить труды автора, круг тем, которых он касался в своих сочинениях, наконец, многочисленные регалии исследователя. Однако научный вклад не измеряется длинной библиографического списка. Прежде всего он заключается в идеях, формирующих новую интеллектуальную среду, открывающих путь для будущих исследований и способствующих изменению самого общества. К сожалению, современная гуманитарная наука в России страдает от неспособности выстроить с ним диалог, в полной мере отвечать на его запросы, а главное – формировать их у широкого круга читателя. Запершись в «башне из слоновой кости», гуманитаристика неизбежно утрачивает общественную значимость и, соответственно, востребованность в социуме¹.

Решению этой проблемы должны способствовать особые институты, специально предназначенные для поддержания столь важных контактов. Их деятельность одновременно меняла бы и науку, и общество. Представляется, что удачный пример такого учреждения – Collège de France (Коллеж де Франс) в Париже, учебное заведение, совсем не похожее на обычный университет. Его посещают исключительно вольнослушатели, не сдающие ни вступительных, ни выпускных экзаменов. Профессора (а их имена составляют славу французской и мировой науки) вынуждены готовить курсы лекций, которые, с одной стороны, соответствуют критериям научности, а с другой, – представляют общественный интерес. Им приходится предельно актуализировать исследуемые проблемы, заставляя науку работать на современное общество. Именно благодаря этому учебному заведению появились многие книги М. Фуко, П. Розанваллона, П. Бурдьё и др. Кроме того, в соответствии с его уставом в курсе лекций должны излагаться научные достижения профессора за последний год. Иными словами, преподаватель должен быть активно практикующим учёным, способным предлагать слушателям принципиально новое знание². Наконец, как вспоминал физик А. Абрагам, «главное различие курсов в университете и в Коллеже заключается в том, что в университете слушатели меняются каждый год, а предмет, если и изменяется, как у лучших профессоров, то весьма

© 2017 г. К.А. Соловьёв

¹ Шелохаев В.В. Институт общественной мысли как новая форма организации научных исследований // Шелохаев В.В. На разные темы. М., 2016. С. 437–444.

² Эрибон Д. Мишель Фуко. М., 2008. С. 243–244.

мало, в то время как в Коллеже наоборот — публика мало меняется, а значит, *должен* меняться курс»³.

К сожалению, в современной России таких авторитетных институтов, решающих схожие проблемы, практически нет. Исследователи преимущественно предоставлены сами себе, об их достижениях знают лишь немногочисленные коллеги, а в обществе есть лишь весьма отдалённые представления о том, что делается в науке, которая в итоге социальной роли практически не играет. В такой ситуации немалое значение приобретают историки, признающие за наукой особую общественную миссию. Именно к таким исследователям относится и В.В. Шелохаев. Все его работы, посвящённые истории России конца XIX — начала XX в., так или иначе отвечают на вызовы настоящего времени, удивительным образом напоминая проблемы столетней давности.

Сказанное относится и к ключевой проблеме его исследований — истории русского либерализма, характерные особенности которого до сих пор остаются не замеченными многими гуманитариями. Их заслоняют стереотипные представления, восходящие либо к современным политическим практикам, либо к классическому английскому либерализму начала XIX в. В действительности это ложные «ключи» к пониманию изучаемого явления. Пользуясь ими, историк либо, к удивлению своему, обнаруживает, что русский либерал — вовсе не либерал, либо приписывает ему те свойства и черты, которые совсем не были характерны для русского либерализма⁴.

В.В. Шелохаеву удалось показать, что русский либерализм — совершенно особенное интеллектуальное явление. Отечественным либералам на рубеже XIX—XX вв. удалось предложить не только многочисленные партийные программы, во многом отвечавшие на динамично меняющуюся конъюнктуру, но и целостный проект будущего страны. Это обуславливалось прежде всего тем, что русские либералы в основном были не столько политиками, сколько интеллектуалами, способными генерировать новаторские идеи, порой опережавшие собственное время, в чём состояла их сила и слабость. Их политические требования были концептуально выстроены и теоретически обоснованы. Вместе с тем либералы нередко являлись догматиками, не способными к диалогу с политическим оппонентом. «Ахиллесовой пятой» либеральных партий было также отсутствие очевидной социальной базы, а потому и ясного

---

³ *Абрагам А.* Время вспять. М., 1991. С. 125.

⁴ Яркий пример тому — работа В.В. Леонтовича «История либерализма в России», чьей популярности не мешает тот факт, что многие её положения давно опровергнуты в историографии. Интерпретируя понятие «либерализм», Леонтович исходил из идеологических и мировоззренческих установок европейских мыслителей XVIII — начала XIX в. и связывал его исключительно с высшими представителями власти и их ближайшими сотрудниками — Екатериной II, Александром I, Александром II, М.М. Сперанским, Н.С. Мордвиновым и др. По оценке Леонтовича, их политические идеалы так или иначе соотносились с принципами Просвещения и, естественно, исключали возможность революционных потрясений. Общественная мысль оказалась практически вне сферы его научных интересов. Общественное движение начала XX в. характеризуется автором как радикальное, лишь препятствовавшее реализации либерального проекта. Это утверждение прежде всего относится к «Союзу Освобождения» и Конституционно-демократической партии, ориентировавшимся на альянс с социалистическим движением. Отсутствие интереса к либерализму как явлению в интеллектуальной жизни России, в первую очередь, объясняется пониманием Леонтовичем этой идеологии как политического учения, остающегося принципиально неизменным на протяжении последних двух столетий. См.: *Леонтович В.В.* История либерализма в России, 1762—1914. М., 1995. С. 21—22, 47, 225, 301.

понимания, какая тактическая линия наиболее эффективна в тех или иных обстоятельствах⁵.

Теоретические построения либералов начала XX в. действительно очень непохожи на то, что ждут от них современные читатели. Либералы того периода — безусловные этатисты. Они верили в созидательную силу государства, отвечавшего и за экономическое процветание, и за социальное благополучие. Их не смущала национализация частной собственности (прежде всего, земли). Они полагали, что «священным правом» частной собственности можно пожертвовать, коль скоро в реальной жизни нередко ставилось под сомнение право крестьянина на жизнь. Кроме того, русский либерализм отказывал этническим группам, проживавшим на территории Российской империи, в праве на политическое самоопределение (кадеты делали исключение для Польши и Финляндии). Он настаивал на необходимости сохранения унитарного государства — пускай и с существенным расширением полномочий органов местного самоуправления. В противном случае, как считалось, открылся бы «ящик Пандоры»: федерализация не погасила бы остроту национальных конфликтов в России, а породила бы новые⁶. Наконец, либералы в период Первой русской революции не боялись самых решительных средств борьбы с действовавшим правительством, иными словами, полагались на революцию и далеко не всегда были готовы уступать власти⁷.

Однако при этом они не переставали быть либералами. Во всех их теоретических построениях так или иначе проявлялось «инвариантное ядро» либерализма, при всех обстоятельствах отстаивавшего человеческую личность как высшую и безусловную ценность для государства и общества. Причём своеобразие русского либерализма будет не столь бросаться в глаза, если иметь в виду особенности всех идеологических течений в России и их организационного оформления. Русский либерализм был далёк от классических образцов, равно как социализм и консерватизм. Все идеологические построения имели российскую специфику. То же относится и к проблеме партийного строительства. Политические партии, вырабатывая собственную программу и тактику, пытались (правда, далеко не всегда с успехом) соответствовать сложившейся конъюнктуре, а не оторванным от жизни эталонам. Они рассчитывали понравиться российским избирателям, а, соответственно, старались учитывать их многочисленные особенности.

И в этой связи возникает проблема функционирования партийной системы начала XX в. — предмет особого внимания В.В. Шелохаева. В данном случае важна не только концептуальная основа его работ, посвящённых многопартийности, но и их архитектоника⁸. Валентин Валентинович предложил чёткий план изучения партии, впоследствии используемый многими авторами. Сперва рассматривается история её создания, затем идеологические установки, организационная структура, тактика. Выделение последних трёх компонентов партийного строительства позволяет аналитически «препарировать» объект исследования, выявить его характерные черты и одновременно уйти от

⁵ Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015. С. 88–107, 849–853.

⁶ Там же. С. 26–41.

⁷ Там же. С. 131–150.

⁸ Шелохаев В.В. Многопартийность, висевшая в воздухе // Шелохаев В.В. На разные темы. С. 149–159.

традиционного хронологического изложения событий. Ведь партия – живой организм, формирующий особую коммуникативную среду, которую нельзя свести к совокупности решений съезда и постановлений центрального комитета, выстроенных в хронологическом порядке. Подход Шелохаева подразумевает изучение партии как политического механизма, выявление его социальной и интеллектуальной природы.

Такой исследовательский приём позволяет подчеркнуть особенности российской многопартийности начала XX в., заметно отличавшейся от западноевропейской. Классик европейской «партологии» М. Дюверже писал, что партия – ситуативное объединение, складывающееся для решения текущих задач. Оно отвечает на сиюминутные вызовы времени. Политическая конъюнктура с неизбежностью заслоняет собой любые идеологические пристрастия. Соответственно, партия преимущественно формируется по случайному признаку – может объединять земляков, коллег, представителей одной корпорации, национальной или конфессиональной группы и т.д. По мнению Дюверже, особое внимание к программе партии, её идеологическому обоснованию – дань условности, которая на практике немного значит⁹. Однако подобные суждения, проверенные французским опытом середины XX в., лишь в малой степени соответствовали российским реалиям начала 1900-х гг. Партии этого времени были преимущественно идеологичны и полагали своей целью реализацию большого проекта преобразования страны. Это сильно затрудняло их диалог между собой, что ставило под вопрос существование многопартийной системы как таковой.

Шелохаев инициировал хорошо известную историкам серию публикаций документального наследия политических партий конца XIX – начала XX в. В рамках этого проекта был введён в научный оборот огромный корпус источников¹⁰. В значительной мере благодаря ему партии стали одним из любимых объектов исследования отечественных историков. Его привлекательность для исследователей объясняется очевидностью структуры и формализованностью позиции партий. Но они были не самостоятельным явлением, а производным от политической культуры изучаемой эпохи. В России начала XX в. партии – лишь «верхушка айсберга» такого явления, как общественная мысль, которой Шелохаев посвятил немало работ¹¹.

Общественная мысль – уникальное российское явление. Само понятие, в сущности, не переводимо на иностранные языки. Его нельзя свести ни к публицистике того или иного периода, ни к партийным дискуссиям, ни к научным работам по социальным и гуманитарным наукам. Валентин Валентинович интерпретирует общественную мысль как непрерывный интеллектуальный процесс, а не совокупность высказываний выдающихся мыслителей прошлого. Этот процесс не мог начаться неожиданно в начале XVIII в. вместе с петровскими преобразованиями. Он коренился в средневековом прошлом

---

⁹ Дюверже М. Политические партии. М., 2000. С. 22–25.

¹⁰ К настоящему моменту издано 50 томов серии «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в. Документальное наследие».

¹¹ Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996; Модели общественного переустройства России. XX век / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004; Российский либерализм середины XVIII – начала XX в.: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010; Русский консерватизм середины XVIII – начала XX в.: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010. Помимо этого, В.В. Шелохаев был инициатором и ответственным редактором 119-томной «Библиотеки отечественной общественной мысли» (М., 2010).

Руси. По мнению Шелохаева, изучаемый процесс разворачивается как непрерывное переосмысление одних и тех же проблем и понятий. Он заключается в саморефлексии общества (применительно к событиям XIX – начала XX в. – образованного меньшинства), которое в большинстве случаев не может рассчитывать на реализацию собственных проектов, однако обладает известной свободой интеллектуального поиска. При таких обстоятельствах идеи быстро «возгоняются» и приобретают уникальные свойства, определяющие самобытное лицо русской общественной мысли¹².

Этот подход близок к методологическим установкам приверженцев истории понятий, когда за изменениями в понимании тех или иных категорий усматривается эволюция общества и культуры¹³. Есть основания рассчитывать, что популяризация этих идей в отечественной гуманитаристике в итоге способствует появлению столь необходимого словаря понятий из общественно-политического лексикона России, по крайней мере Нового времени. Отрадно, что первые шаги в данном направлении уже делаются¹⁴.

Впрочем, общественная мысль – это не только язык, особая «повестка», но и система коммуникаций, специфические правила игры. Для истории общественной мысли России характерны особые черты, столетиями сказывавшиеся на состоянии общества и государства, в частности уже упомянутая непримиримость, неспособность услышать другого, несмотря на близость и иногда полное тождество идей. Причём линии водораздела оказываются до такой степени устойчивыми, что социалистов прошлого изучают современные социалисты, консерваторов – консерваторы, либералов – либералы. Иными словами, изучение партийных группировок столетней давности по умолчанию чаще всего подразумевает неформальное «членство» в ней. Шелохаев далёк от такой «партийности». При всей симпатии к кадетам, он отнюдь не отождествляет себя со своими героями. Свидетельство тому – значимое место столыпинской тематики в его работах.

Конституционные демократы в большинстве нещадно критиковали П.А. Столыпина – обвиняли его в лживости, лицемерии, самоуправстве, властолюбии, непонимании русской деревни и России в целом¹⁵. Их аргументы и выводы во многом легли в основу последующей историографии. Исследования же Шелохаева в значительной мере построены на переоценке этой традиции. Он предложил более широкий ракурс рассмотрения столыпинских преобразований как части большого проекта системных реформ, задуманных премьер-министром, но лишь отчасти реализованных. В рамках такого подхода вызывающие живой интерес историков аграрные реформы – лишь важный элемент программы, которая ещё в годы жизни Столыпина силой обстоятельств рассыпалась на части, что не

---

¹² Шелохаев В.В. Общественная мысль России: теоретико-методологические проблемы её изучения // Шелохаев В.В. На разные темы. С. 58–80.

¹³ Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета. М., 2010. С. 21–33; Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи: В 2 т. Т. 1. М., 2014. С. 23–44.

¹⁴ «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода: В 2 т. М., 2012; Вымятина Ю.В. Деньги, или Золотая антилопа. СПб., 2016; Магун А.В. Демократия, или Демон и гегемон. СПб., 2016; Миллер А.И. Нация, или Могущество мифа. СПб., 2016.

¹⁵ Изгоев А.С. П.А. Столыпин. Очерк жизни и деятельности. М., 1912. С. 116, 128–131; П.А. Столыпин: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2011. С. 237, 336.

отменяет констатируемого Шелохаевым факта: в те годы явственно ощущались положительные результаты правительственной деятельности¹⁶.

Представление о системности программы столыпинских реформ к настоящему моменту прочно завоевало «право гражданства» в науке. В ходе многочисленных форумов и конференций, проводившихся в юбилейный год Столыпина (2012), такая точка зрения многими подавалась как аксиоматичная, не нуждающаяся в каких-либо доказательствах¹⁷. Видимо, это и есть высшая форма признания историка, когда однажды высказанные им идеи, поначалу далеко не всеми принятые, на новом витке развития историографии кажутся уже очевидными. Но ещё важнее, пожалуй, то, что В.В. Шелохаев не ставит точку в изучении столь значимых для историографии тем, а задаёт читателю новые вопросы, тем самым пролагая дорогу будущим исследователям.

---

¹⁶ *Пожигаило П.А., Шелохаев В.В.* Пётр Аркадьевич Столыпин: Интеллект и воля. М., 2005; *Шелохаев В.В.* Столыпинский тип модернизации России // На разные темы. С. 378–406.

¹⁷ См.: *Кабытов П.С.* П.А. Столыпин и программа реформирования России // Власть и общество в России. Жизнь и государственная деятельность П.А. Столыпина. Самара, 2011. С. 8–16.